

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Лето 1911 года в Южном Приуралье выдалось голодным, и крестьянин Олифер (Логин Платонович Олиференко), переселенец с Украины, проживавший в деревне Прохоровка (140 км севернее Оренбурга), вспомнил виденные им на родине раскопки курганов. Тогда под руководством профессора местные крестьяне, нанятые им, раскапывали насыпь кургана и доходили до могилы. После этого профессор отсылал их на другие курганы, а сам доставал из могильной ямы богатые золотые украшения.

Такие же курганы находились на земле Олифера близ Прохоровки. По ночам над ними иногда зажигались непонятного происхождения огни. И Олифер решился. Однажды ночью он со своими сыновьями начал раскапывать один из курганов. Соседи заметили, что ведутся раскопки. Они прибежали и, размахивая горящими головнями, старались напугать раскопщиков. Тем не менее к утру Олиферу удалось найти под курганом могильную яму, после чего он с сыновьями отправился на отдых. По возвращении в раскоп он обнаружил, что соседи с помощью шупов нашли и вытащили из могилы две серебряные чаши, от которых оставались теперь только следы-отпечатки.

Между тем о находках прослышали крестьяне окрестных деревень, которые тоже стали стекаться на место раскопок, чтобы попытать своего счастья. Не сумев по справедливости поделить добычу, они подрались, и, по-видимому, самый обиженный донес об этих событиях в уездную полицейскую управу. Пристав прибыл немедленно. Он прекратил незаконные раскопки, заставил крестьян засыпать вскрытые курганы и отобрал у них найденные вещи, среди которых были и золотые предметы. Опросив крестьян, он составил опись находок. Вся коллекция была передана в Оренбург, в распоряжение Оренбургской ученой архивной комиссии, которая являлась тогда важным научным центром Южного Приуралья.

В 1915 году с коллекцией, будучи в Оренбурге, познакомился профессор Петроградского университета, уже известный к тому времени историк-антиковед и археолог Михаил Иванович Ростовцев. Он сразу оценил ее исключительную ценность и задумал научными методами доследовать курганную группу.

Руководителем раскопок он назначил молодого приват-доцента Петроградского университета Сергея Ивановича Руденко. Уже в следующем, 1916 году Руденко провел исследование разграбленных курганов и раскопал несколько уцелевших. По итогам раскопок им был составлен научный отчет, который он передал Ростовцеву. Ростовцев не только опубликовал этот отчет, но и провел скрупулезный научный анализ находок в Прохоровке, сравнив их и с другими доступными ему археологическими материалами из степных курганов юга России¹. В результате ученый пришел к выводу о том, что помимо скифской культуры ранних кочевников Северного Причерноморья (уже довольно хорошо известной науке того времени) в южнорусских степях существовала и другая, родственная скифской, но в то же время весьма отличная от нее культура, которую исследователь соотнес с историческими сарматами, разделенными со скифами не только в пространстве, но и во времени. Прохоровскую коллекцию он датировал в основном III–II вв. до н. э., не исключая, однако, и IV в. до н. э.

В заключительных строках своей книги Ростовцев писал: «Все эти выводы пока что гадания. Только дальнейшее систематическое исследование оренбургских погребений позволит определить, правильны ли они и потребуется ли внести в них существенные изменения и дополнения»². Однако ученому не суждено было вновь поддержать в руках сарматские древности. В 1918 году он покинул Россию и умер в Америке. До недавних пор его труды, изданные за границей, на русский язык не переводились. Трагично сложилась и жизнь С. И. Руденко. В 30-е годы XX столетия он, как и многие его коллеги, был арестован по ложному доносу и на несколько лет попал в сталинские лагеря. Позже С. И. Руденко прославился в том числе и как первооткрыватель знаменитых алтайских мумий, но в классическую сарматскую археологию Приуралья он так и не вернулся.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-01-01527а, и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 06-06-80175а.

И все же оба исследователя положили начало тому направлению археологической науки, которое стало называться сарматоведением. Курганный могильник у деревни Прохоровка стал эпонимным в археологии — ранний и наиболее древний этап развития сарматской культуры стал называться «прохоровским».

В советское время работы в практике и теории сарматской археологии продолжил П. Д. Рау, а затем — блестящий ученый-энциклопедист Борис Николаевич Граков. Позже их возглавил К. Ф. Смирнов. Ранний (прохоровский) этап сарматской культуры они датировали в пределах IV–II вв. до н. э., рассматривая прохоровскую культуру как один из этапов непрерывного развития сообществ ранних кочевников южнорусских степей начиная с VI–V вв. до н. э.

Отрицая генетическую связь между геродотовыми савроматами и сарматами позднего эллинизма, Ростовцев связывал приуральские памятники именно с сарматами, подчеркивая их пришлое — иранское, персидское (а не савроматское, по Геродоту) — происхождение³. Он датировал Покровские курганы из раскопок Кастанье V–IV вв., а основную часть оренбургских курганов — II–I вв. до н. э. Своеобразие раннесарматского могильника у деревни Прохоровка Ростовцев видел не в эволюции более ранних местных кочевых культур, а в волнообразных передвижениях (миграциях) различных групп «иранцев»⁴.

Б. Н. Граков сначала рассматривал памятники типа Блюменфельд как скифские, а П. Д. Рау — как савроматские⁵. Позже Б. Н. Граков сформулировал концепцию о генетической связи савроматов и сарматов на материалах памятников типа Блюменфельд и Прохоровки⁶. Он же опубликовал четырехступенчатую хронологическую схему развития «сарматской культуры» с первой ступенью — блюменфельдской культурой, указывая тем самым на генетическую связь всех этапов, в том числе — от савроматского до раннесарматского.

Много позже А. Д. Таиров и А. Г. Гаврилюк обосновали концепцию «древнепрохоровского» периода развития сарматской культуры. По их мнению, кочевники Южного Зауралья и Илека являлись той средой, в которой уже со второй половины VI в. до н. э. происходило становление раннесарматской (прохоровской) археологической культуры⁷. В определенном (хронологическом) смысле эта концепция близка идеям А. Х. Пшеничникова, который также удревнял ранние памятники раннесарматской культуры до VI–V вв. до н. э.⁸ С. Ю. Гуцалов, связывая происхождение раннесарматской культуры со скифами, также углубляет время ее формирования до VI в. до н. э.⁹

Кроме попыток удревнения раннесарматской культуры, особенно в последние десятилетия, развивалась и тенденция к ее резкому омоложению. Ранее всего, пожалуй, эта тенденция проявилась в работах С. В. Полина, который, по аналогии с памятниками Северного Причерноморья, предложил отнести эпоху расцвета прохоровской культуры к III–II вв. до н. э.¹⁰

Но особенно категорично гипотеза о позднем (не ранее II в. до н. э.) формировании раннесарматской культуры Приуралья прозвучала в работах В. Ю. Зуева¹¹. На основании разбора материалов из эпонимного могильника у деревни Прохоровка он пишет, в частности, о значительном хронологическом hiatusе между прохоровской культурой и выделенной им (на очень неясных основаниях) «филипповской культурой». Этот hiatus во многом определяется мнением автора об отсутствии на территории Волго-Уральского региона памятников III в. до н. э., о периоде расцвета раннесарматской культуры со времени не ранее последней трети II в. до н. э. (Зуев распространил свои выводы не только на собственно Прохоровские курганы, но и на всю хронологическую колонку памятников раннесарматской культуры Волго-Уральского региона). Так, в одной из своих работ он уже в первых строках пишет о том, что «курганы этого (Прохоровского. — Л. Я.) могильника разделились на две хронологические группы — северную, рубежа V–IV вв. до н. э. (подразумевается «филипповская» культура. — Л. Я.), и южную — рубежа II–I вв. (собственно прохоровская. — Л. Я.)»¹². Совершенно очевидно, что утверждение о поздней дате начала развития прохоровской культуры опрокидывает несколько различающиеся, но принципиально сходные именно в понимании хронологического развития раннесарматской культуры концепции М. И. Ростовцева, Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова.

Между тем к концу XX века Прохоровские курганы так и оставались полностью не исследованными. Это обстоятельство породило связанную с ними острую дискуссию о хронологии и периодизации не только самих этих курганов, но и раннесарматской культуры в целом. Трудности работы с материалом были вызваны тем, что основу коллекции составляли вещи, полученные вне строго зафиксированного археологического контекста и стратиграфии (принадлежность того или иного предмета к конкретному

захоронению была определена лишь по смутным и иногда путаным воспоминаниям грабителей, а все находки, как оказалось, происходили только из центральных подкурганных захоронений).

В 2003 году при поддержке Российского гуманитарного научного фонда была организована Прохоровская археологическая экспедиция Института археологии РАН, которая приступила к планомерному археологическому исследованию памятника¹³.

Сооружение Б — «городище» (здесь и далее сохранены обозначения сооружений, присвоенные им С. И. Руденко) располагалось к северо-востоку от кургана-кладбища А. Оно представляло собой овальное в плане возвышение, длинной осью вытянутое в широтном направлении, с тотальными размерами 46 × 24 м, высотой до 0,9 м от современного горизонта. Насыпь кургана повсюду находилась в переотложенном состоянии (результат перепланировки, многолетней распашки и строительства тригопункта), но при зачистке погребенной почвы под ней помимо следов поздних перекопов были обнаружены три древних захоронения, из которых два оказались неграбленными.

Погребение 3 было сделано в глубокой подбойной нише. На дне ее был расчищен скелет молодой женщины в сопровождении богатого набора погребального инвентаря¹⁴. Погребенная лежала на спине в «атакующей позе» (правая нога вытянута, а левая нога согнута в колене), головой на юг. В изголовье погребенной были найдены четыре оковки (накладки на венчик) деревянной чаши, которые представляли собой согнутые золотые пластинки, орнаментированные прорезным узором (рис. 1). Ближайшее сходство они обнаруживают с оковками из Переволочанских курганов (IV в. до н. э.) и Бердянки (III в. до н. э.)¹⁵. Неподдалеку кучкой лежали золотые полусферические нашивки (более 500 шт.), аналогичные тем, что были найдены в детском захоронении 1 сооружения Б Прохоровки и в Бердянке. По-видимому, они находились внутри чаши. Под черепом была обнаружена золотая серьга, состоящая из спиралевидной верхней части, к которой крепилась лунница со свисающими цепочками, на концах которых располагались каплевидные подвески¹⁶. Аналогичные подвески известны в Бишунгаровском и Старокиишкинском могильниках Южного Приуралья¹⁷.

Погребения, в которых были найдены аналогичные серьги, датируются, скорее всего, III в. до н. э., но, возможно, и концом IV в. до н. э.

В районе шейных позвонков женщины из погребения 3 лежала подвеска, выполненная из крупного шлифованного мохового агата, помещенного в оправу из золотой фольги, украшенной орнаментом в виде ложнозерненных треугольников. У правого плеча женщины находилось большое дисковидное бронзовое зеркало с длинной ручкой-штырьком, на которую была насажена деревянная цилиндрическая рукоять. Зеркала с ручкой-штырьком и, как правило, с валиком по краю диска широко представлены в раннесарматских памятниках III–I вв. до н. э. От подобных зеркал найденное отличается отсутствием валика по краю диска и большими размерами. На зеркале сохранились остатки футляра, сделанного из шкуры.

У правого бедра было найдено свыше 110 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел и один трехлопастной бронзовый с выступающей втулкой. Такой колчанный набор, по сложившимся в науке представлениям, характерен для памятников III–II вв. до н. э.

Вместе со стрелами был найден железный колчанный крюк, обтянутый золотой фольгой. Крюк представляет собой барельефное зооморфное изображение.

У правой голени находились два сосуда — серебряная чаша и туалетный каменный цилиндрический сосуд-алабастр, выполненный из мраморного оникса. Чаша имеет полусферическое тулово с широким отогнутым горлом и отогнутым венчиком. Верхняя вогнутая часть украшена гравированным позолоченным фризом растительного орнамента в виде выходящей виноградной лозы, листьев плюща и гроздей винограда. По плечикам чаша опоясана гравированной позолоченной трехрядной плетенкой с парными точками в завитках. Пояс плетенки, в свою очередь, обрамлен полосами жемчужника. На сферическом в целом, слегка уплощенном дне — медальон из трех concentрических окружностей. Орнамент позолочен. По форме и стилистике орнаментальных композиций чаша находит близкие аналогии на территории от Южной Италии и Балкан до Египта и этими аналогиями датируется второй половиной IV в. до н. э.¹⁸ В захоронение она, естественно, могла попасть и в более позднее время.

В ногах погребенной стоял большой круговой сероглиняный кувшин с ручкой, выпуклым уплощенным дном и кольцевидным поддоном, имеющий аналоги в среднемеотской культуре Предкавказья

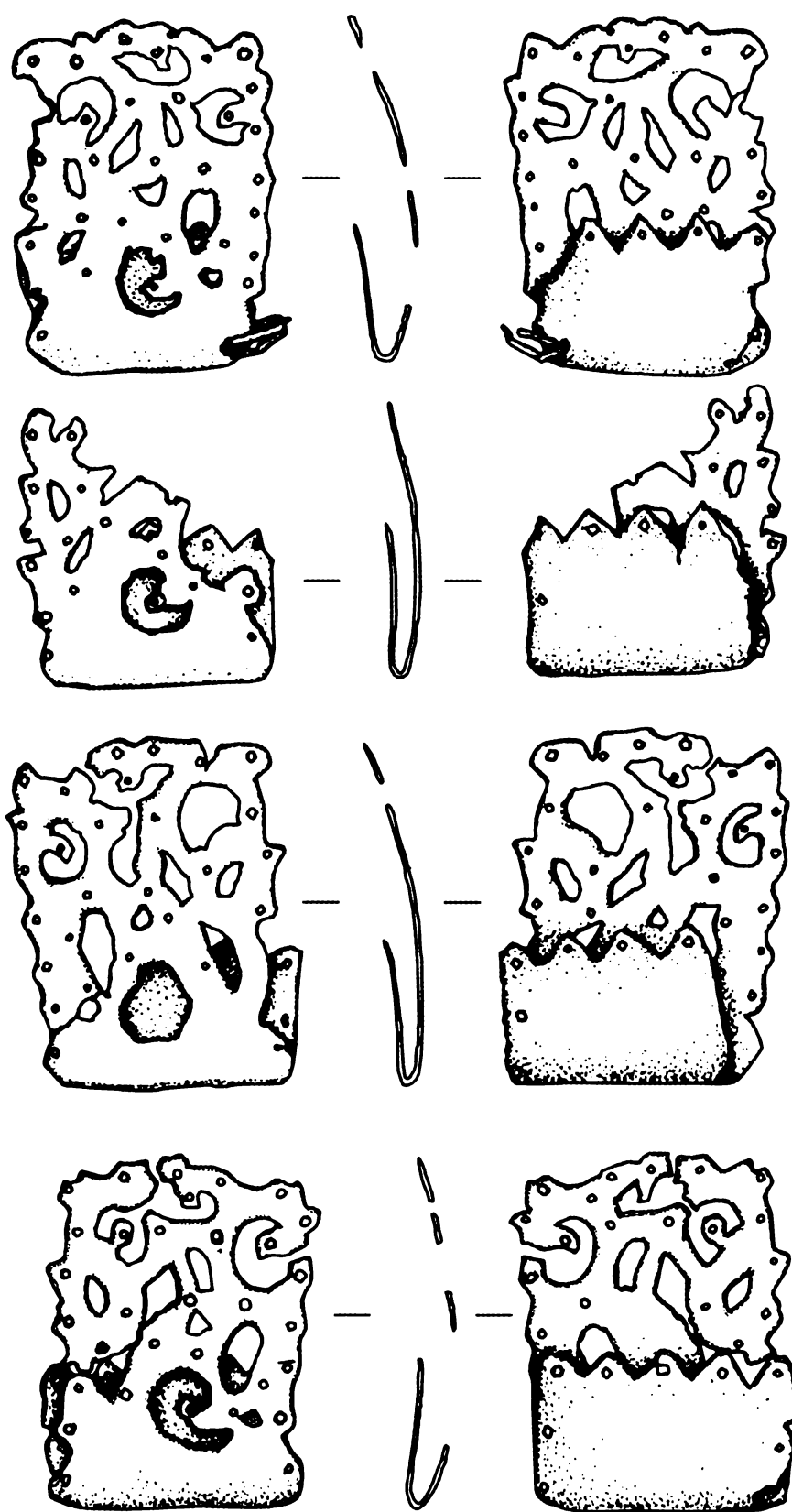

Рис. 1. Могильник Прохоровка 1, курган Б, погребение 3. Золотые накладки на деревянную чашу (прорисовка)

(III в. до н. э.). На запястьях и шее погребенной находились сердоликовые, янтарные, меловые и из стекло-видной пасты бусы, которые могут быть датированы не позднее III в. до н. э. В северной части подбойной ниши была вырублена материковая ступенька, на поверхности которой находилось блюдо, выточенное из рога лося. На блюде были расчищены кости ног барана. У входа в подбойную нишу, в головах лежало преднамеренно сломанное в ходе погребального ритуала железное копье. Коническая разомкнутая втулка и листовидное перо находились на расстоянии 25 см друг от друга.

Комплексом находок захоронение может быть датировано в пределах конца IV–III вв. до н. э.

Во всех остальных курганах помимо центральных захоронений, ограбленных в 1911 году и исследованных С. И. Руденко, были обнаружены не найденные ни грабителями, ни археологом впускные захоронения, которые дали закрытые археологические комплексы предметов сопровождающего инвентаря, включающие местную и привозную (гончарную) керамику, разнообразные предметы вооружения и украшения¹⁹.

По мнению ряда ученых, все курганы могильника датируются в пределах IV–II вв. до н. э.²⁰ Можно считать, таким образом, что памятник в целом относится к ранней стадии развития сарматской культуры Южного Приуралья (по М. И. Ростовцеву, Б. Н. Гракову и К. Ф. Смирнову), а в абсолютных датах — к IV – первой половине II вв. до н. э. Многие погребения при этом можно отнести и к III в. до н. э.

Для понимания особенностей процесса формирования раннесарматской культуры особое значение имеют материалы, полученные при раскопках Филипповского I могильника, расположенного на территории Илекского района Оренбургской области, на водоразделе рек Урал и Илек. Раскопки этого могильника в середине – конце 80-х годов прошлого века проводились под руководством А. Х. Пшеничникова (Уфа). Могильник приобрел мировую известность благодаря уникальной коллекции драгоценных предметов, полученных в основном из раскопок «царского» кургана I (одного из двух наиболее крупных курганов некрополя)²¹.

После 2000 года раскопки могильника прекратились, и он стал подвергаться постоянному ограблению. Археологическое изучение памятника удалось возобновить лишь в 2004 году (Приуральская экспедиция Института археологии РАН)*. С тех пор на памятнике было исследовано еще семь курганов, которые дали новые материалы по погребальному обряду и обогатили науку уникальными находками.

В 2004 году под насыпью кургана 11 (3,5 м высотой и около 60 м диаметром) были расчищены захоронения, которые находились в широкой прямоугольной яме с дромосом, ориентированным на юг. В центре ямы располагался подквадратный в плане очаг-жертвенник со следами неоднократного использования (возжигания огня). Могильная яма была перекрыта конструкцией, которая состояла из одного ряда бревен, уложенных в радиальном направлении. Дромос также был перекрыт настилом из бревен. Следы огня на поверхности погребенной почвы и в насыпи отсутствовали. Курган подвергался неоднократным ограблениям, в том числе с применением экскаватора. Тем не менее вдоль северного и восточного бортов могильной ямы удалось расчистить остатки четырех захоронений, которые сопровождались разнообразным инвентарем, включающим наборы конской упряжи, бронзовые наконечники стрел, бронзовое зеркало, железный меч, железный шлем с нащечниками, круговые сосуды кавказского и среднеазиатского производства и другие находки. На краю ямы остались нетронутыми грабителями бронзовая жаровня, бронзовое зеркало, туалетный сосудик. В поле кургана, у основания насыпи был прикопан сломанный в древности бронзовый котел. В грабительских отвалах были найдены осколки стеклянного сосудика. Находками курган датируется V–IV вв. до н. э.

Насыпь кургана 13 достигала в высоту 3,5 м при диаметре около 60 м. Вдоль южной половины насыпи, на уровне древней поверхности и подножия насыпи были расчищены многочисленные кости лошадей, образующие отдельные скопления. Некоторые кости находились в анатомических сочленениях. Под насыпью оказалась округлая в плане могильная яма с дромосом, выходящим в юго-восточном направлении. Она была перекрыта настилом из бревен, местами лежащих в три слоя. Деревянная конструкция была в древности сожжена, отчего нижние слои насыпи носили мощные следы прокала, внутри которого обнаруживались глыбы шлака. В центре могильной ямы помещался очаг-жертвенник, аналогичный исследованному в кургане 11. Могильная яма была неоднократно ограблена, но под северной ее стенкой были

* Приношу глубокую благодарность Д. В. Мещерякову за деятельное участие в подготовке и проведении работ экспедиции 2004–2006 годов.

найлены железный меч и бронзовый наконечник стрелы, золотая бусина. В яму вели два подземных хода, которые начинались из-за пределов насыпи. Один из ходов длиной около 15 м и глубиной около 2,5 м вел в привходовую часть дромоса (коридорообразного входа в погребальную камеру). Никаких находок в нем не было.

Другой ход длиной около 18 м и глубиной около 3 м шел с запада и попадал в центральную часть западного борта могильной ямы. В начале хода, на материковой ступеньке была расчищена шкура барана, а под ней и частично на полу хода лежали скопления костей лошади, некоторые — в анатомическом сочленении. В центральной части хода, на полу лежал комплекс предметов — железный меч, железный стилет и бронзовый наконечник стрелы. У входа в могильную яму, на полу подземного хода располагался череп человека в сочленении с нижней челюстью и двумя первыми шейными позвонками. Это была голова человека, установленная на основание, лицевой частью на север²². Не исключено, что человеческая голова в подземном ходе связана с какими-то жертвенными действиями, проводимыми в процессе погребального ритуала (при раскопках кургана 28 могильника на полу подобного подземного хода было обнаружено захоронение молодого воина; подробнее об этом см. ниже). Комплексом находок курган 13 датируется V–IV вв. до н. э.

Курган 26 был разграблен в 2001 году с использованием экскаватора. Под насыпью удалось проследить округлую в плане могильную яму глубиной до 3 м с дромосом, выходящим строго на юг. Под западной стенкой ямы был обнаружен набор сопровождающего инвентаря, который состоял из обтесанных кусков мела, бронзового зеркала, железного ножа, бусины. В северо-восточном углу был расчищен колчан, насчитывающий более двух сотен разнотипных бронзовых наконечников стрел. Находками основное захоронение кургана датируется в пределах IV в. до н. э.

Под насыпью кургана было обнаружено также впускное захоронение женщины, не попавшее под ковш экскаватора. В составе сопровождающего инвентаря — бронзовые пряжки, ожерелье из сердцевидных бронзовых подвесок и стеклянных пронизок, бронзовые с позолотой арочные наконечники с лапчатыми подвесками. Захоронение датируется ранним средневековьем и, судя по особенностям инвентаря, было оставлено представителями угорского населения. Это первый комплекс такого рода, исследованный на территории Оренбургской области.

В 2005 году были полностью раскопаны еще три кургана (15, 16 и 28) могильника. Высота насыпей этих курганов составила от 1,5 до 3,5 м при диаметре от 50 до 60 м. Все три кургана, несмотря на древние и современные ограбления, дали новые интереснейшие сведения об особенностях погребального обряда и блестящую коллекцию археологических находок, включающую разнообразные предметы вооружения, детали конской упряжи, украшения (в том числе из драгоценных металлов), предметы культа и домашнего обихода.

Так, в погребальной камере кургана 28, который подвергся ограблению с применением экскаватора, были найдены пять полностью сохранившихся захоронений вместе с сопровождающим инвентарем. В подземном ходе, который вел в погребальную камеру от подножия насыпи (такие ходы ранее считались грабительскими), был обнаружен довольно хорошо сохранившийся железный чешуйчатый панцирь (у входа в погребальную камеру) и регулярное захоронение молодого воина (в центральной части хода) с кинжалом и наконечниками стрел, которые синхронизируют это погребение с основными.

В кургане 15 было исследовано коллективное захоронение (10 скелетов). Погребенные были уложены на поверхность древнего горизонта вокруг глинобитного очага-жертвенника. Здесь, в частности, была найдена золотая подвеска с перегородчатой эмалью и силуэтным изображением человека с характерным головным убором-тиарой, известным по изображениям персидского царя на рельефах Персепольского дворца. По аналогии с печатями из дворца Персеполя она датируется временем правления Ксеркса — серединой – второй половиной V в. до н. э.²³

В кургане 16 центральная могильная яма была почти полностью разграблена, но в стенке камеры была найдена специальная ниша, в которой обнаружен полный мужской скелет и кости лошади, лежащие в анатомическом порядке. Судя по расположению костей человеческого скелета, погребенный находился в нише в вертикальном положении и был установлен поверх задней части лошадиной туши. В центральной погребальной камере обнаружена археологически целая круговая фляга хорезмийского производства.

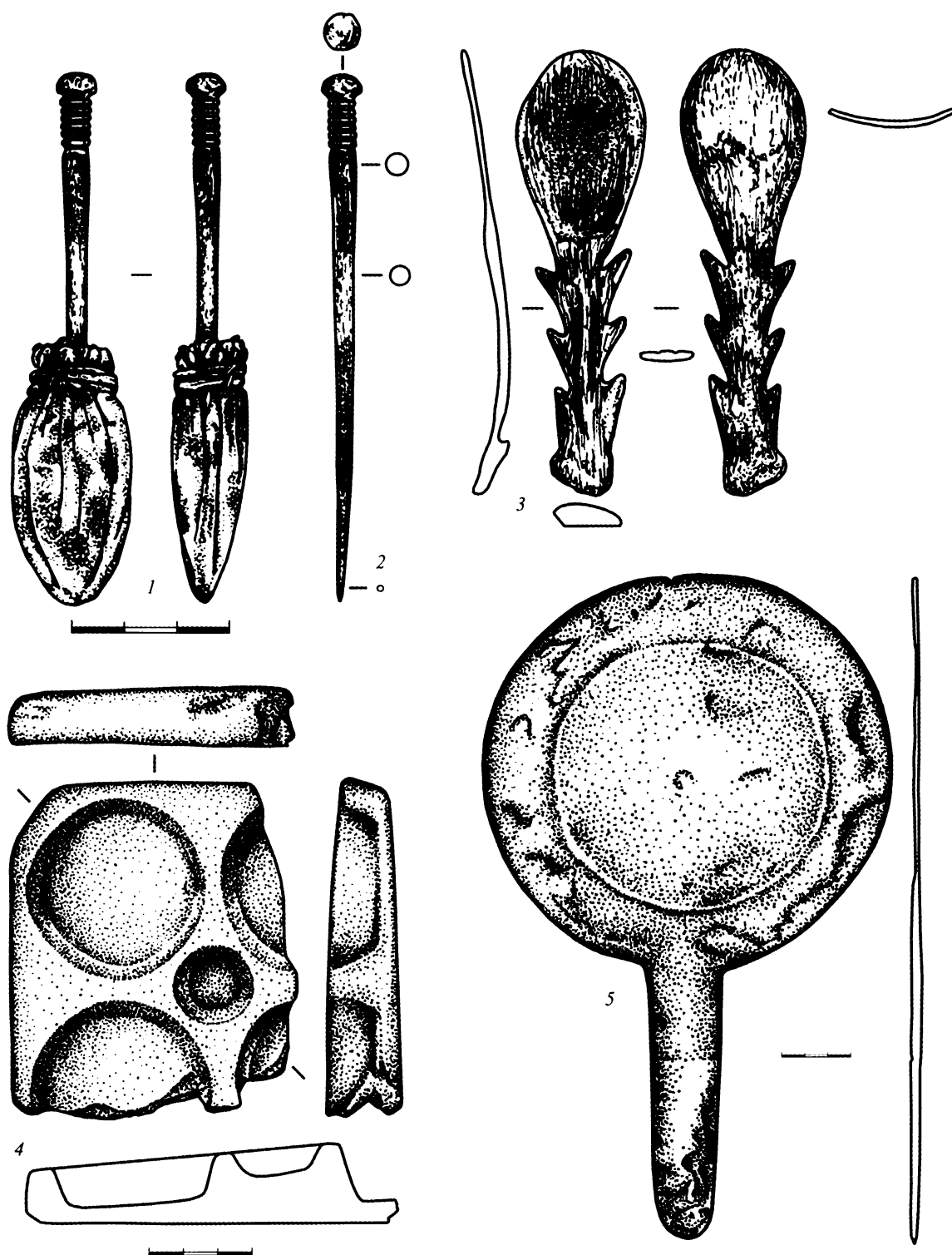

Рис. 2. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 4.
Набор для татуировки. 1 – игла в мешочке; 2 – игла; 3 – ложечка; 4 – палитра; 5 – зеркало. 1 – кость, кожа;
2, 3 – кость; 4 – песчаник; 5 – бронза

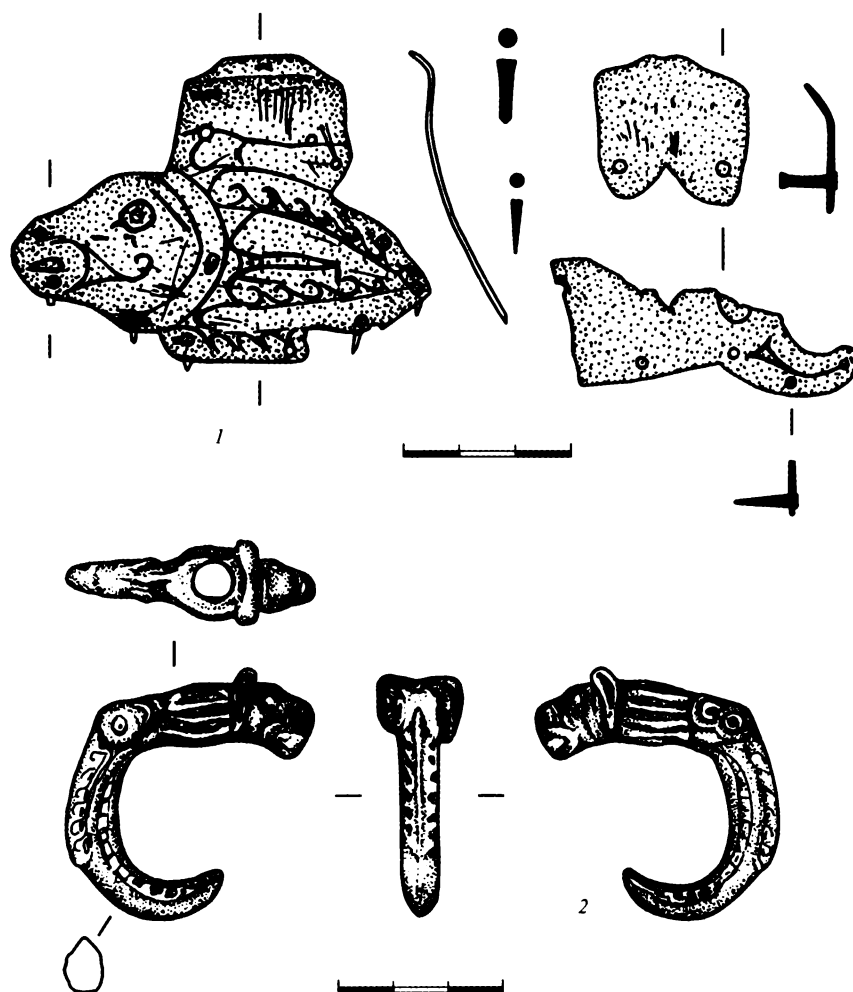

Рис. 3. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 3. Инвентарь.
1 – накладка на сосуд; 2 – крюк колчанный. Серебро, золото

Курганы 15 и 16 помимо основных (коллективных) захоронений дали пять впускных (индивидуальных), не подвергавшихся ограблениям. Среди них — захоронение женщины с новорожденным младенцем или плодом, сопровождавшееся украшениями, орудиями для выделки кожи и предметами конской упряжи (уздечка). Здесь же находилась богато украшенная металлическими деталями деревянная чаша²⁴. Другие впускные могилы содержали захоронение женщины с многочисленными украшениями из драгоценных металлов и захоронение женщины с набором предметов для нанесения татуировок (костяная игла в кожаном мешочке, каменная палитра для смешивания красок, костяная ложечка для размешивания красок и др.; рис. 2). В мужском погребении был найден, в частности, литой серебряный с золотом крюк в виде синкретичного образа пантеры и грифона, серебряная с золотом накладка на деревянную чашу с гравированным изображением рыбы (рис. 3), железный кинжал и бронзовые наконечники стрел. Еще одно женское впускное захоронение сопровождалось золотыми серьгами и перстнем, богатым набором разнообразных бус и каменным блюдом. Находками все впускные захоронения синхронизируются с основными и датируются второй половиной V–IV вв. до н. э.

В 2006 году Приуральская экспедиция ИА РАН провела раскопки второго по счету «царского» кургана (№ 4) могильника Филипповка 1. Этот курган, наравне со ставшим уже знаменитым (благодаря находке в нем серии золотых оленей) курганом 1, находился в центре могильника²⁵. Высота насыпи кургана

превышала 7 м, а диаметр ее достигал 120 м. Под насыпью было исследовано мощное деревянное перекрытие погребальной камеры, обнаружен жертвенный комплекс раннесарматской эпохи (уздечки, помещенные в шкуру крупного хищника) и пять захоронений. Четыре из них датируются раннесарматским временем (вторая половина V–IV вв. до н. э.). Все три впускных захоронения не были потревожены грабителями. В двух из них были погребены воины. С ними были найдены железный доспех, гориты и портупеи, украшенные золотыми деталями, железные мечи и наконечники копий, серебряные с золотом портупейные крюки и колчаны с бронзовыми наконечниками стрел, железный боевой топор. На груди находились золотые литые гривны, концы которых были украшены в зверином стиле. В третьем впускном парном захоронении (молодые мужчина и женщина) помимо предметов вооружения, золотых гривен и браслетов был найден уникальный литой серебряный сосуд и золотые нашивки на плащ или покрывало в виде фигур хищников семейства кошачьих. В центральной могильной яме с дромосом захоронения производили в специальных деревянных гробовинах, углы которых скрепляли бронзовыми скобами. Из находок в этом погребении особо отметим деревянный сосуд, обложенный серебряными и золотыми листами в виде сдвоенных чаш и с ручками, оформленными в виде голов баранов.

Серебряный сосуд из погребения 4 имеет аналогии во фракийских древностях с территории Болгарии и на рельефе царя Дария в Персеполе и датируется, таким образом, в пределах V в. до н. э.²⁶ Золотые омегавидной формы браслеты из погребения 4 имеют хорошие аналогии в составе Амударьинского клада, где такие браслеты датированы в пределах второй половины V – первой половины IV вв. до н. э.²⁷ Серебряный колчаный крюк из погребения 3 кургана 4 аналогичен предмету из впускного погребения в кургане 15 Филипповского могильника и, таким образом, еще раз синхронизирует оба кургана в пределах той же даты (с учетом датировки ахеменидской эмали).

В одном из захоронений (погребение 3) положение *in situ* наконечника копья и его серебряного втока позволяет точно реконструировать длину копья сарматского воина — около 320 см. Новой находкой пополнена серия предметов тяжелого защитного вооружения (чешуйчатый доспех на кожаной основе). Итак, в результате раскопок получены исключительно надежные данные об облике раннесарматского тяжеловооруженного воина: на голове кованый железный шлем с наносником и нащечниками, торс защищен чешуйчатым доспехом на кожаной основе, кожаная портупея с золотой пряжкой (обоймой) для перекрещивания ремней, длинное копье с массивным железным наконечником и металлическим втком, короткий железный меч-акинак на правом бедре, железный боевой топор, лук и колчан со стрелами (иногда более 200 шт.) на левом бедре (горит украшен золотым умбоном-утяжелителем; рис. 4)²⁸. Очень важно, что «рядовые» находки из кургана 4 (наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, бусы и серьги) находят прямые аналогии в других, менее богатых курганах могильника. Кроме того, планировка захоронений и подношений в кургане 4 вокруг очага-жертвенника точно соответствует картине, выявленной нами ранее в погребении на поверхности древнего горизонта кургана 15 того же могильника (ср. рассуждения о хронологии этих курганов).

Конечно, еще предстоит большая и кропотливая работа по научному осмыслению полученного при раскопках разнообразного и многочисленного материала, но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что в отечественной археологии сделано открытие, которое еще долгое время будет приковывать внимание как специалистов-археологов, так и широкой общественности.

Наиболее древние археологические комплексы ранних кочевников Южного Приуралья, за очень редким исключением (Гумаровский могильник), не могут быть датированы временем более ранним, чем вторая половина VI в. до н. э. Все специалисты согласны с тем, что между местными памятниками эпохи бронзы и раннекочевническими курганами эпохи раннего железа имеется значительная хронологическая лакуна, а появление ранних кочевников в регионе следует рассматривать, следовательно, как результат миграции. Острые споры вызывает вопрос о прародине мигрантов. Наиболее распространенными являются две гипотезы: приаральская и зауральская²⁹. Не решен пока окончательно и вопрос, насколько тесна генетическая связь между популяциями кочевников савроматской (VI–V вв. до н. э.) и раннесарматской (конец V–II (I–?) вв. до н. э.) эпохи.

Новейшие материалы из раскопок приуральских могильников помогают решению этих проблем. В материалах погребального обряда и вещевого инвентаря Филипповки прослеживаются те признаки,

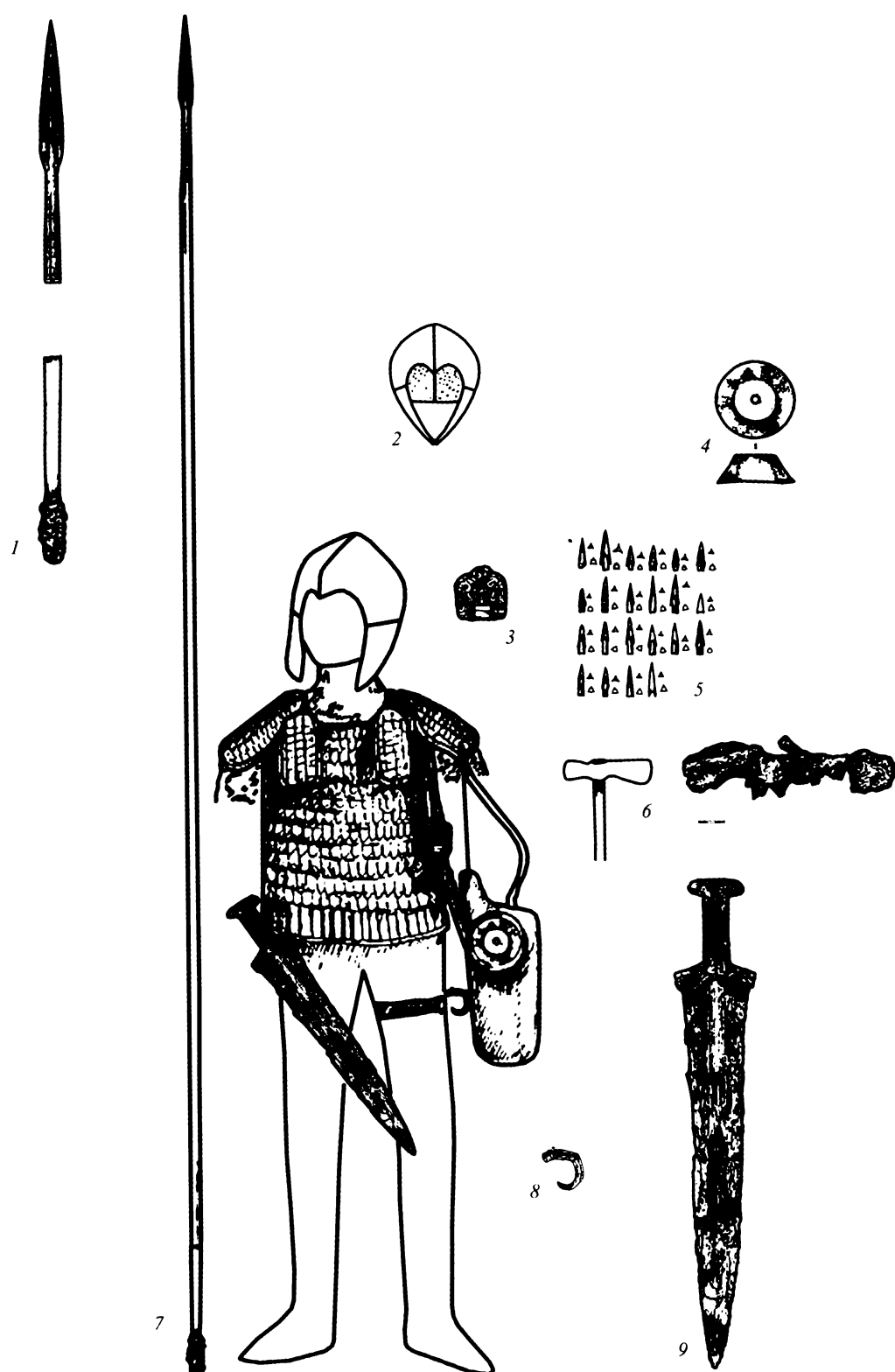

Рис. 4. Документальные воинские аксессуары и реконструкция воинского снаряжения из могильника Филипповка I.

1 – металлические детали копья; 2 – железный шлем; 3 – портупейная пряжка; 4 – золотой умбон горита;

5 – бронзовые наконечники стрел; 6 – железный колющий; 7 – масштабная реконструкция копья;

8 – серебряный колчаный крюк; 9 – железный меч (рис. И. В. Рукавишниковой)

которые станут характерными для относительно более поздних памятников развитой раннесарматской культуры. В первую очередь, к таким признакам относится обычай устраивать впускные индивидуальные захоронения вокруг центральных.

Инвентарь рядовых курганов Филипповского могильника по составу синкретичен. В едином погребальном комплексе здесь, с одной стороны, встречаются предметы, типологически уводящие нас в савроматскую эпоху — V в. до н. э. (например, вещи, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля), и находки, имеющие аналогии в памятниках ахеменидского круга — не позднее второй половины V в. до н. э., а с другой — предметы вооружения и детали конской упряжи, которые вполне характерны для захоронений раннесарматского (прохоровского) типа. Это наборы бронзовых наконечников стрел, мечи так называемого «переходного» типа, бронзовые и железные удила и псалии, имеющие аналогии, в частности, в памятниках Предкавказья IV в. до н. э., характерные бронзовые зеркала.

Филипповский могильник является, очевидно, одним из наиболее древних памятников раннесарматского типа вообще. По нашим данным, «верхняя» дата Филипповского могильника смыкается с «нижней» датой Прохоровского. С этой точки зрения могильники прохоровского типа (раннесарматские) следует рассматривать как прямое продолжение Филипповки. Данные палеоантропологии также свидетельствуют в пользу предположения о генетической связи между двумя относительно разновременными группами популяций приуральского населения³⁰.

Вместе с тем погребальный обряд Филипповского могильника в высшей степени специфичен. Ни в одном другом раннесарматском памятнике региона не встречается в таком удельном весе обряд, связанный с сооружением больших дромосных погребальных камер, перекрытых накатами из бревен³¹. В классических Прохоровских могильниках отсутствует обычай строительства в могилах очагов-жертвенников, столь характерных для Филипповки, нет коллективных одновременных захоронений с неустойчивой ориентировкой погребенных и вообще исчезает идея сооружения «домов мертвых». В связи с этим можно вспомнить и о том, что в Покровских могильниках, которые в 1990-е годы были исследованы в левобережье Илека, почти все захоронения савроматской эпохи (конец VI–V вв. до н. э.) были безжалостно разрушены впускными раннесарматскими³². Эти и некоторые другие данные ставят как будто под сомнение гипотезу о повсеместной и прямой генетической связи кочевого населения Приуралья савроматской и раннесарматской эпох.

Противоречия, однако, устраняются, если предположить, что и Филипповка, и памятники прохоровского типа были оставлены группой популяций (имеющих общую прародину), которую мы застаем на разных и разновременных прерывистых стадиях освоения степей Южного Приуралья. Это освоение носило характер волнообразных передвижений, в которые периодически могли включаться и инородные кочевые элементы, в том числе родственного в культурно-генетическом отношении приаральского и лесостепного, а также зауральского происхождения. Эти передвижения происходили внутри области формирования «древнепрохоровской» культуры, и, строго говоря, их трудно рассматривать как классические миграции с массовым переселением на далекие расстояния, в незнакомые регионы.

При этом следует иметь в виду, что упомянутые группы раннесарматских популяций сами по себе не были абсолютно гомогенными в антропологическом и культурном отношении. Каждая из них на фоне сходной совокупности признаков материальной культуры могла обладать и антропологической спецификой, и специфическими этнографическими особенностями, и различными социальными статусами, нашедшими отражение в оформлении погребального обряда. В целом эта гипотеза соответствует концепции формирования раннесарматской культуры, предложенной в свое время А. Г. Гаврилюком и А. Д. Таировым³³.

Резкие изменения в погребальном обряде, которые фиксируются при сравнении курганов Филипповского могильника, с одной стороны, Покровских и Прохоровского — с другой (в первом случае — абсолютное преобладание дромосных коллективных могил, а во втором — подбойных), объясняются, скорее всего, не этническими, а стадийно-социальными изменениями в сарматском обществе.

Говоря о роли зауральских скотоводов в формировании раннесарматской культуры Южного Приуралья, М. Г. Мошкова отмечала, в частности, что дромосные коллективные захоронения по своей конструкции напоминают жилища полуоседлых зауральских скотоводов³⁴. Вслед за К. Ф. Смирновым она полагала, что, во всяком случае, некоторые группы приуральских скотоводов савроматской эпохи могли вести и полуко-

чевой образ жизни. Филипповские погребальные камеры с их привходовыми столбовыми конструкциями и моделями очагов в центральной части наиболее ярко отражают идею «дома мертвых». Стадиально они соответствуют той ранней эпохе освоения скотоводами сарматского типа приуральских степей, когда воспоминания о прежнем полуоседлом образе жизни у мигрантов были еще живы. Аналогичные конструкции, зафиксированные на территории левобережного Хорезма, с нашей точки зрения, свидетельствуют о полуоседлом или даже пастушеском образе жизни скотоводов V–IV вв. до н. э., оказавшихся на территории Хорезмийского государства и попавших под его власть³⁵.

Однако уже к концу IV – началу III вв. до н. э. значительная часть популяций приуральских скотоводов переходит к подвижному кочеванию. Новый образ жизни находит отражение и в изменениях в погребальном обряде. К этому времени на смену коллективным захоронениям в ямах с дромосами приходят индивидуальные погребения в могилах с подбоями и катакомбами, в простых грунтовых ямах и ямах с заплечиками. Дромосные захоронения постепенно становятся редкостью, хотя в отдельных случаях еще фиксируются и в прохоровское время (они есть, в частности, и в самом Прохоровском могильнике — курган 3, раскопанный С. И. Руденко в 1916 г. и исследованный Д. В. Мещеряковым в 2005 г.)^{*} Кроме того, отголоски традиционного принципа коллективности захоронений под общей курганной насыпью все еще сохраняются в курганах с кольцевыми планировками, где индивидуальные захоронения располагались вокруг основного (центрального)³⁶. Зачатки этого обряда мы видим еще в Филипповских курганах, а его продолжение — в Прохоровских, Покровских и др.³⁷ Заметим, что, по данным С. В. Демиденко, захоронения, составившие кольцевую планировку в одном из сарматских курганов, раскопанных им на территории Волгоградской области, были сделаны одновременно и еще до сооружения насыпи кургана³⁸.

Не исключено, что переход к классическому номадизму у кочевников Южного Приуралья на рубеже IV–III вв. до н. э. был обусловлен глобальными экологическими сдвигами, которые имели место за пределами Южного Приуралья и привели к демографической перенапряженности в степной части региона с последующими выплесками отдельных популяций номадов на территорию Приуральской Башкирии (Прохоровка — один из памятников, маркирующих этот маршрут) и в Нижнее Поволжье³⁹.

Новейшие археологические материалы из раскопок в Южном Приуралье с их яркими находками, имеющими, в частности, аналогии в хорошо датированных комплексах Среднего Востока и Средиземноморья, помогают уточнить и расширить данные об особенностях формирования тысячелетней культуры ранних кочевников Восточной Европы — те, которые были известны классикам отечественной археологии, — не противореча при этом базовым принципам их научных концепций.

По мнению А. Х. Пшеничнюка, у нас нет возможностей хронологически разделять раннесарматские памятники внутри периода от V до III вв. до н. э., во всяком случае, руководствуясь типологическим распределением бронзовых наконечников стрел⁴⁰.

Современные материалы, похоже, действительно свидетельствуют в пользу гипотезы о непрерывном развитии культуры ранних кочевников Южного Приуралья, по крайней мере с V в. до н. э., и о формировании прохоровской культуры (в ее древнепрохоровском варианте) на местной, приуральской культурно-генетической основе, что не отрицает, однако, возможности включения в ее состав разнообразных инородных элементов. Если это так, нет больше необходимости искать прародителей кочевников прохоровской эпохи в неких савроматах, будь то савроматы Геродота или еще более мифические археологические «савроматы» (о них см. подробно у М. А. Очир-Горяевой⁴¹). Эти археологические «савроматы» Приуралья не умещаются на этногеографической карте Геродота. Постепенно становится все более очевидным, что им нет места и в хронологической колонке археологических памятников ранних кочевников Южного Приуралья. Что же касается сходства в проявлениях «звериного» стиля и в других признаках материальной и духовной культуры широкого ареала гетерогенных кочевых объединений степной Евразии, то такие проявления легко объясняются культурными заимствованиями и диффузиями в пределах общих культурно-хронологических горизонтов, подобно тому, как это происходило в предшествующую скифосакскую эпоху, породившую в археологической историографии не очень удачно обозначенную конструкцию, получившую название «скифо-сибирский мир»⁴².

^{*} Благодарю Д. В. Мещерякова за предоставленную мне неопубликованную информацию о раскопках кургана 3 могильника у д. Прохоровка.

- ¹ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П. К. Коковцова, С. И. Руденки // Материалы по археологии России. – Пг., 1918. – № 37.
- ² Там же. – С. 81.
- ³ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. – Пг., 1925. – С. 612.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Граков Б. Н. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Труды секции РАНИОН. – 1928. – Т. 4; *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. – Pokrowsk, 1929. – S. 60.
- ⁶ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. – С. 100–125.
- ⁷ Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988.
- ⁸ Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983. – С. 128; Он же. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995. – С. 96.
- ⁹ Гуцалов С. Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат-лы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара, 2000. – Вып. 2.
- ¹⁰ Полин С. В. От Скифии к Сарматии. – Киев, 1992.
- ¹¹ См. напр.: Зуев В. Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат-лы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара, 2000. – Вып. 1.
- ¹² Там же. – С. 85.
- ¹³ Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., Вальчак С. Б., Тришина И. В. Могильник Прохоровка I — эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. – М., 2004. – № 4 (37).
- ¹⁴ Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки курганов у д. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. – М., 2005. – Вып. 219.
- ¹⁵ Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник; Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. – Оренбург, 1999. – Вып. 3. – С. 138; рис. 4 – 6.
- ¹⁶ Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки курганов у д. Прохоровка...
- ¹⁷ Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер. Стар. Кишки // АЭБ. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 113, 114; табл. XII – II; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – С. 153; табл. XX – 2.
- ¹⁸ Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. – 2006. – № 1. – С. 98–106.
- ¹⁹ Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки курганов у д. Прохоровка...
- ²⁰ Мещеряков Д. В., Федоров В. К., Яблонский Л. Т. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // РА. – 2006. – № 1. – С. 107–116.
- ²¹ См. напр.: *The Golden Deer of Eurasia.* – New York, 2001; Золотые олени Евразии. – СПб., 2003.
- ²² Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 38–47.
- ²³ Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки и проблема хронологии памятника // РА. – 2007. – № 1.
- ²⁴ Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т. Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. – М., 2006. – С. 38–42.
- ²⁵ Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. – Уфа, 1989.
- ²⁶ Филов Б. Надгробные могилы при Дуванли. – София, 1934.
- ²⁷ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. – Л., 1979.
- ²⁸ Яблонский Л. Т., Рукавишникова И. В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника). – Челябинск, 2007 (в печати).
- ²⁹ Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. междунар. конф. – Волгоград, 1994. – С. 5–8; Таиров А. Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. – Оренбург, 1998. – Вып. 2. – С. 87–96.
- ³⁰ Кондукторова Т. С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11; Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. – М., 1968; Яблонский Л. Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура... Вып. 1. – С. 29–40.

³¹ Дромосные захоронения с коллективными погребениями в них довольно часто, но спорадически встречаются на значительных степных территориях, однако лишь в отдельных курганах того или иного могильника. В Филипповке — почти в каждом. См.: Яблонский Л. Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // УАВ. — Уфа, 1998. — Вып. 1. — С. 8–24.

³² Курганы левобережного Илека. — М., 1993. — Вып. 1; 1994. — Вып. 2; 1995. — Вып. 3; 1996. — Вып. 4.

³³ Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. — Челябинск, 1988.

³⁴ Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. — М., 1974. — С. 48–49.

³⁵ Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). — М., 1999.

³⁶ Курганы левобережного Илека. — Вып. 2. — Рис. 60.

³⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964.

³⁸ Доклад, прочитанный на заседании Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН 23 января 2007 года.

³⁹ Рысков Я. Г., Демкин В. А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. — Пушкино, 1997. — С. 144; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры.

⁴⁰ Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. — С. 79.

⁴¹ Очир-Горяева М. А. Савроматы Геродота // Скифия и Боспор. — Новочеркасск, 1993; Она же. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. — 1992. — № 6.

⁴² Яблонский Л. Т. Культуры ранних кочевников Южного Приуралья: проблемы терминологии, хронологии и типологизации // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск, 2006. — С. 68–74.